

© 2019 г.

В.И. ПАНТИН

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО НАЧАЛА XX И НАЧАЛА XXI вв.: ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ

ПАНТИН Владимир Игоревич – доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (v.pantin@mail.ru).

Аннотация. *Анализируются проблемы и риски российского общества в начале XX в. и в начале XXI в. Выделены факторы, которые привели к кризису и революции 1917 г.: отчуждение элиты от народа и потеря ею каналов коммуникации с ним, недоверие общества власти, отсутствие идеологии, принятой большинством населения. В современную эпоху наиболее важны угрозы и риски развития российского общества, связанные с масштабными социальными и политическими сдвигами в мире, с переходом к новым технологическому и социальному укладам. Выявлены три линии социально-политической активности в современном российском обществе, представленные разными социальными субъектами; их взаимодействие слабо, что создает угрозу раскола и социально-политической дестабилизации. Для успешной адаптации к изменениям и социальным инновациям необходим учет культурных и исторических особенностей российского общества, включая региональные различия, разнообразие природных и социальных условий, полиэтничность.*

Ключевые слова: социальные изменения • ценности • технологический уклад • социальный уклад • идентичность • социальные субъекты • страны Запада • Российская Федерация

DOI: 10.31857/S013216250007456-4

Многие российские социологи отмечают сегодня тенденции роста различных неравенств [Тихонова, 2017; 2019], социально-экономической стагнации [Петухов, 2018], разрывы уровней модернизации российских регионов [Лапин, 2015; 2016]. Эти тенденции порождают запрос на перемены, который, однако, отчетливо не артикулирован и не сформулирован в виде программы [Петухов, 2018]. Такая ситуация в условиях технологических и социальных сдвигов порождает социальное напряжение в обществе, чреватое протестами [Латов, 2017]. Напрашивается сопоставление с ситуацией начала XX в. Тогда конфликты, также порожденные технологическими и социальными сдвигами, привели к политическим потрясениям и революции. При бесспорных значительных различиях между социально-политическими процессами в России начала XX в. и начала XXI в. существуют и параллели между ними, которые нуждаются в исследовании и объяснении. Речь не об аналогии, а о сравнительном анализе, выявлении, с одной стороны, причин параллелей между двумя историческими ситуациями и, с другой, различий между ними. Такой анализ важен не только с теоретической точки зрения, но и для практического определения рисков и угроз для российского общества и государства первой половины XXI в. Меры противодействия этим угрозам и рискам невозможно выработать и реализовать без понимания социальных изменений и осмысления уроков истории.

В статье используется метод социологического исследования, в частности – исторической социологии [Штайнметц, 2018] – метод сравнения (компаратива), примененного с целью проанализировать социально-политические процессы в российском обществе в начале XX в. и в начале XXI в. и определить факторы возникновения серьезных социальных проблем и рисков России. Данный метод, учитывающий нелинейность социальной динамики, наличие в ней разного рода кризисов [там же] и переходных периодов, в определенной мере делает возможным «преодоление пропасти между методологической “статикой” и предметной динамикой в рамках получающих все большее распространение эволюционных подходов» [Петухов, 2018: 41].

Мы не обсуждаем вопросы, которые обычно находятся в центре дискуссий о революции 1917 г.: почему Февраль 1917 г. привел к Октябрю, в какой мере Октябрьская революция была социалистической, насколько она была оправдана, был ли реализован и в каких формах социалистический проект переустройства общества. Рассматриваются вопросы: какие объективные и субъективные факторы способствовали кризису российской государственности и радикализму революции 1917 г., насколько неизбежно было крушение общества и государства Российской империи, что послужило основными причинами этого крушения, в чем провалы внутренней и внешней политики России начала XX в., каково было поведение российской элиты накануне 1917 г. и почему российский правящий класс оказался беспомощен перед лицом вызовов и угроз.

В отношении процессов и явлений начала XXI в. исследуются угрозы и риски для российского общества в эпоху трансформации мирового порядка, перехода к новым технологическому и социальному укладам, быстрого изменения институтов и форм взаимодействия между обществом и государством. Внимание уделено потенциальным возможностям российского общества и государства отвечать на возникающие вызовы.

Качественное сравнение социальных процессов в России в начале XX в. и в начале XXI в. проводится главным образом по параметрам и направлениям: 1) отношения между властью и основной массой населения, доверие власти; 2) характер правящей элиты, степень ее замкнутости/открытости; 3) политика правящей элиты, ее просчеты/достижения; 4) основные расколы и линии размежевания в российском обществе.

Проблемы и противоречия развития России в начале XX в., когда российское общество и государство переживали перелом, связанный с изменением внутренних и внешних условий, с индустриализацией, крупными технологическими сдвигами, с переходом от сословного к классовому обществу, с обострением международных конфликтов и подготовкой Первой мировой войны [Пантин, 2015: 30–45; Лапкин, 2017; Октябрьская революция..., 2018: 166–195]. Политическая элита, преимущественно дворянство, оказалась не готовой к решению проблем страны. Власть в России часто не замечала проблем и вызовов, рассматривая усиление протестных настроений как временные явления, не требующие коренного изменения политики. Между тем ситуация в стране накалялась: события 9 января 1905 г., революция 1905–1907 гг., раскол в правящей элите в ходе Первой мировой войны и т.д.

Правящий класс с опозданием и неэффективно реагировал на социальные бедствия и катаклизмы. Так, после «великого голода» 1891–1892 гг. в конце 1890-х гг. (т.е. спустя почти 10 лет) проблема «оскудения Центра» была признана, став объектом работы ряда Особых совещаний. Только после начала революции 1905 г. были отменены выкупные платежи, и в 1906 г. крестьянам – около 80% населения России – были предоставлены равные с другими сословиями права, отменены телесные наказания крестьян по приговорам волостных судов. Эти меры сильно запоздали.

Среди ключевых проблем и противоречий, стоявших перед Россией в начале XX в., следующие:

1) недостаточная чувствительность правящей элиты к проблемам и нуждам большинства населения, к тяжелому положению части крестьянства и рабочих, непонимание корней такого положения, отчуждение элиты от большинства общества и потеря каналов коммуникации с ним;

2) недооценка рисков и угроз, связанных с имущественным и социальным расслоением российского общества, его политической поляризацией, с отставанием России от динамично развивавшихся стран;

3) недальновидная внутренняя и внешняя политика, доминирование в правящей элите узких корыстных интересов, превращение части правящего класса (помещиков и высшей бюрократии) в паразитический слой, получавший доходы либо от сдачи земли в аренду крестьянам и в залог банкам, либо от взяток, усиление деградации и разложения правящего класса;

4) слабость, непоследовательность действий высшей власти, запоздалые и неэффективные экономические и политические реформы, принятие решений в узкогрупповых, а не в общенациональных интересах;

5) недоверие общества к власти, ориентация значительной части элиты и интеллигенции на Запад, непонимание интересов большинства населения, попытки копировать западноевропейские нормы и институты без учета российской специфики;

6) отсутствие идеологии, способной мобилизовать население на реализацию масштабных проектов развития, идейно-политический раскол образованного общества на западников/славянофилов (почвенников), на либералов/консерваторов, социалистов/монархистов;

7) неспособность государства планировать экономические и социальные процессы, монополизм и отсутствие конкуренции, технологическая отсталость сельского хозяйства; использование государственной казны для обогащения частных лиц, коррупция;

8) зависимость государства и правящего класса от иностранного капитала, долги России западным державам, несамостоятельность внешней политики.

Свидетель и аналитик революции 1917 г., выдающийся социолог П.А. Сорокин среди основных ее причин выделял: 1) подавление у большинства населения базовых инстинктов (голод, подавление импульса собственности и инстинкта самосохранения), 2) дезорганизацию власти и социального контроля, 3) сословные ограничения [Сорокин, 1992: 272–292]. Приведенные в начале нашей статьи проблемы перекликаются с выделенными Сорокиным причинами русской революции, тесно связаны с ними. Сорокин, в частности, отмечал, что накануне революции у 95% населения подавлялись базовые инстинкты; указывал на вырождение правящих классов как на один из ключевых факторов всех революций, включая Россию [Сорокин, 1992: 291].

Проблемы и противоречия, резко усугубившиеся в ходе Первой мировой войны, в которую Россия была втянута правящей элитой и западными державами, сыграли роковую роль в распаде общества и государства накануне и после февраля 1917 г. Драма и трагедия российского правящего класса состояли в том, что его представители в массе не понимали социальных, экономических и политических сдвигов [Айвазов, Беликов, 2017; Лапкин, 2017], не видели процессов, которые в итоге привели к революции 1917 г., а причиной всех бед считали «смутьянов», революционеров, большевиков, эсеров и их пропаганду. Более того, самих революционеров они, как правило, недооценивали, считая чужеродным для России, чуть ли не случайным явлением. Позднее это показала Гражданская война в России 1918–1920 гг., в ходе которой белые недооценили поддержку большевиков основной массой крестьянства, не выработали внятной альтернативы большевистскому проекту, не захотели провести аграрную реформу в интересах крестьянства, не сумели преодолеть внутренние противоречия и разногласия.

Важной причиной оторванности российского правящего класса и российской элиты от большинства общества и процессов в стране стало отсутствие эффективной политической системы. Несмотря на наличие политических партий, которые после 1906 г. вошли в Государственную Думу, эти партии слабо влияли на государственную политику, представляя ее выработку и осуществление бюрократии и придворному окружению императора Николая II и императрицы Александры Федоровны. Российские политические партии (за исключением большевиков) не смогли выдвинуть лидеров, пользующихся поддержкой

значительной части населения. Ни император, ни его двор, ни значительная часть правящего класса до самого последнего момента не интересовались реальными нуждами большинства населения России: политическая система не требовала этого.

Вопрос, почему правящая элита в России начала XX в. оказалась слепой, нечувствительной к проблемам общества, нуждается в более подробном объяснении. Как представляется, одной из основных причин этой слепоты и нечувствительности явилась неготовность правящей элиты и правящего класса к переменам в экономике, политике, социальной сфере, в военном деле, идеологии и социальной психологии. Российская элита в переломный период начала XX в., когда менялся мировой порядок, жила представлениями XIX в., традициями сословного общества и самодержавной монархии, такими же взглядами на социальную структуру, ценности и менталитет российского общества. Правящая элита, представители царской семьи и приближенные к ней по-прежнему думали о русском народе как о патриархальном, преданном самодержавию и православию. Между тем социальные и экономические изменения, расслоение города и деревни размыли патриархальность, религиозность и преданность самодержавию. Иными словами, сознание элиты и значительной части интеллигенции не поспевало за социальными изменениями в российском обществе на рубеже XIX и XX вв. [Пантин, 2015].

Наиболее прозорливые представители российского правящего класса, С.Ю. Витте и П.А. Столыпин понимали серьезность сдвигов в российском обществе, но их попытки изменить социально-экономический и политический курс наткнулись на недоверие и косность большинства придворных императора Николая II. Запоздальные социальные и политические реформы Витте и Столыпина не были доведены до конца: Витте отправили в отставку в 1906 г., Столыпина убил агент охраны в 1911 г.

Среди причин неготовности российской элиты к своевременному ответу на вызовы следует отметить незнание и непонимание не только российского общества (особенно крестьян и рабочих), но и реалий Запада. Русские помещики любили ездить в Париж, но часто как прожигатели жизни, тратящие деньги «туристы». Отсюда идеализация западных обществ, наделение западных порядков и институтов достоинствами и высокомерно-пренебрежительное отношение к России, ориентация на Францию и Великобританию («галломания» и «англomanия» русского дворянства), роковые во время Первой мировой войны.

Среди причин низкой чувствительности российской элиты к возникавшим вызовам и угрозам были ее замкнутость и полукастовый сословный характер. П.А. Сорокин отмечал, что «вырождающийся правящий класс упорно отказывал в соучастии талантливым “самородкам”, “самоучкам” из других слоев, не желая урезывать себя в правах и готовый отвергнуть любых талантливых “пришельцев”, таких, к примеру, как Витте» [Сорокин, 1992: 292]. В ходе Первой мировой войны сословный характер элиты проявился в том, что офицеры-дворяне не принимали «за своих» офицеров и унтер-офицеров из других сословий; результат – пропасть между офицерством и солдатской массой, потеря боеспособности русской армии, а затем к отказ солдат подчиняться офицерам, взаимная ненависть, ставшая одной из причин революции и Гражданской войны.

Российская политическая элита предполагала компенсировать технологическую отсталость России и ее неготовность к войне «помощью» Франции и Великобритании. Эти расчеты строились на неверной основе: Великобритания и Франция стремились использовать Россию в войне как «пушечное мясо» и не желали усиления России. Неготовность России к войне обернулась тем, что костяк армии был уничтожен в ходе неудачных наступлений и отступлений. Вместо кадровых и преданных самодержавию солдат и офицеров, большая часть которых из-за технической отсталости (нехватка артиллерии и пулеметов) и общей неготовности к войне погибла в 1914–1915 гг., пришли массы солдат, матросов и унтер-офицеров – вчерашних крестьян и рабочих. Они не хотели воевать за самодержавие или Временное правительство, хотели делить землю, отнимать ее у помещиков, а у капиталистов – фабрики и заводы [Айвазов, Беликов, 2017]. Вооруженные крестьяне и рабочие в шинелях и бушлатах совершили революцию, а большевики в Октябре 1917 г. воспользовались

поражением правящей элиты и оформили революционный протест в виде социалистической идеологии и антикапиталистического проекта развития России.

Ситуация начала XXI в. В 2010-х гг. в развитых и динамично развивающихся странах наблюдаются радикальные социальные, экономические и политические сдвиги [Acharya, 2014; Gordon, 2016]. Они связаны с переходом к новому (шестому) технологическому и социальному укладам, с геополитическими изменениями, с перемещением центра тяжести мирового развития с Запада на Восток [Frank, 1998; Arrighi, 2007; Akaev, Pantin, 2014].

Технологический уклад – совокупность взаимосвязанных технологий, которые в конкретный период обеспечивают наиболее динамичное и эффективное экономическое развитие [Глазьев, 1993: 61]. Его смена оказывает многостороннее воздействие на жизнь общества, способствуя формированию нового социального уклада и политическим изменениям. Для шестого технологического уклада ведущими являются усовершенствованные информационно-коммуникационные технологии, нанотехнологии, робототехника, биотехнологии, новая медицина и новые материалы, новые источники энергии, когнитивные технологии, продуктивная переработка отходов и др. [Akaev, Pantin, 2014; Глазьев, 2018: 56].

Социальный уклад можно определить как совокупность социальных институтов, социальных технологий, форм управления и взаимодействия социальных субъектов, которые обеспечивают основы динамичного развития общества, включая изменения в социальной структуре. Переход к шестому технологическому укладу влечет за собой переход к новому социальному с новыми институтами, сетевой организацией, социальной дифференциацией и политической поляризацией. Заметно изменяются структура и характер занятости, формы социальной мобильности, «социальные лифты». Как показывает анализ предшествующих переходов, ведущую роль в этом играет государство, которое определяет цели и приоритеты, разрабатывает и проводит политику развития.

Вместе с тем в период перехода к новым технологическому и социальному укладам (с 2010-х) прежние социальные институты переживают кризис [Фергюсон, 2016], новые институты еще не сформировались. С этим важным обстоятельством связаны возросшая за последние годы социальная и политическая нестабильность в мире, углубление размежеваний и конфликтов на ценностной основе в российском, в западных и других обществах. Для адаптации к происходящим переменам необходимо соединение традиций, ценностей, норм, формирующих культурные и исторические особенности данного общества, с социальными инновациями, которые не разрушали бы, а модифицировали традиции и ценности в соответствии с новыми условиями. Такое соединение обеспечивает успешное и динамичное развитие Китая, Южной Кореи, Сингапура, Индии и ряда других стран.

В современном российском обществе пока нет сбалансированного и осознанного соединения ориентации на социальную стабильность (подразумевающую модификацию традиционных ценностей и норм) и ориентации на перемены. Российское общество на протяжении последних лет расколото в этом отношении почти пополам. По результатам мониторингового исследования ФНИСЦ РАН, в 2018 г. 56% россиян считали, что «страна нуждается в переменах, существенных политических и экономических реформах», а 44% полагали, что «страна нуждается в стабильности» [Петухов, 2018: 42]. Запрос на перемены сильнее в таких социальных группах и слоях, как молодежь, средние слои мегаполисов и крупных городов [там же: 49].

Возникает вопрос, в каком направлении должны происходить перемены? Решение этой проблемы осложняется тем, что страны ЕС и США, на которые привыкла ориентироваться часть российской элиты и средних слоев, переживают не лучшие времена: происходят разрушение традиций и традиционных ценностей, деградация семьи, распространение наркотиков, насаждается раннее сексуальное воспитание детей и изменение пола, легализуются однополые браки. Эти тенденции сочетаются с масштабной инोकультурной миграцией в страны Запада из «неблагополучных» стран Азии, Африки и Латинской Америки, в которых проживает значительная часть населения Земли, с долговым кризисом,

появлением «новых бедных», с расколом западного общества и западных элит [Тодд, 2004; Турчин, 2010].

В такой ситуации попытки следования за странами Запада могут обернуться для России, как в начале XX в., большими провалами. Так, «шоковая терапия» 1990-х гг., разрушение семьи и заимствованная частью российской молодежи мода «свободы от детей» (childfree) уже оборачиваются демографической ямой. Выработка пути, учитывающего сложную историю, культуру, полиэтничность, ведущую роль государства в социальных преобразованиях и другие особенности, представляет для современного российского общества сложную проблему в ситуации быстро меняющегося мирового порядка.

Тем не менее в начале XXI в. ситуация в России и в мире существенно иная, чем в начале XX в. Помимо западного опыта существует опыт успешного экономического и социального развития Китая, Индии, Южной Кореи, Турции и ряда других стран [Гринин, Коротаев, 2016]. Этот опыт может быть отчасти использован Россией, но главным фактором успешной политики развития остается учет российских условий, истории, культуры, социального и географического многообразия, эволюция (а не слом) традиционных норм и ценностей в сочетании с социальными инновациями. Современная российская элита, несмотря на ее серьезные дефекты, не столь замкнута, как в начале XX в., не имеет сословного характера, что отчасти позволяет ей учитывать меняющиеся условия и проводить более гибкую социальную политику. Россия была и остается «миром миров» (М.Я. Гефтер), в ней сосуществуют регионы с различным уровнем развития, с различными культурными предпочтениями, традициями, ценностями, религиозными убеждениями. Наличие иногда огромных различий между уровнем модернизации регионов России показано в работах Н.И. Лапина [Лапин, 2015; 2016]. Согласно Лапину, в сегодняшней России есть макрорегионы, относящиеся к высокому, среднему и низкому модернизационному кластерам: к первому кластеру относятся Северо-Западный и Центральный федеральные округа, ко второму – Приволжский, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа, к третьему – Южный и Северо-Кавказский федеральные округа [там же]. В технологическом и социальном плане в России присутствуют регионы, в которых едва развиты второй (основанный на каменном угле и простейших машинах), третий (основанный на двигателе внутреннего сгорания и нефти), четвертый (основанный на нефтехимии, авиастроении, ядерной энергии) технологические уклады. Есть мегаполисы с претензиями на встраивание в «глобальные» сети с пятым технологическим и социальным укладом, основанным на информационных технологиях. Существует высокотехнологичный оборонно-промышленный комплекс, который производит современную конкурентоспособную на мировых рынках продукцию. В этих условиях политика развития России на федеральном и региональном уровнях должна учитывать разнообразие социальных и экономических условий, культур и субкультур, технологических и социальных укладов.

Существование значимых социоэкономических и социокультурных различий между территориями создает условия для активизации национал-сепаратистских групп [Лапин, 2015: 64]. В то же время имеются возможности использовать преимущества разнообразия и разноречивости: в критических условиях Россия благодаря этому многообразию может обеспечить себя необходимым (пусть с издержками), способна ориентироваться на Запад и на Восток, использовать традиционные ценности и нормы (в том числе советские) для мобилизации населения и для ограничения аппетитов элиты.

Вопрос об аппетитах элиты и связанных с ней групп, присваивающих значительную часть доходов [Тихонова, 2017], по-видимому, для российского общества и государства один из наиболее важных. От его решения зависят перспективы выживания и развития России. Внутренняя и международная ситуация (включая информационно-психологические войны и санкции в отношении России) объективно усиливает необходимость изменения экономического и социального курса, что сопряжено со сдвигами в российской элите. Изменению курса способствует и устойчиво невысокий уровень доверия российских граждан институтам власти (за исключением президента РФ) [Дробужева, 2018: 112].

Подвижки внутри элиты начались, в ближайшие годы они будут усиливаться. Ключевой вопрос в том, насколько адекватными меняющейся ситуации будут эти изменения и не запоздают ли они?

В настоящее время можно выявить три практически не соприкасающиеся линии (тенденции) социально-политической активности в России, представленные разными социальными субъектами с разными ценностными и культурно-цивилизационными предпочтениями. Первая – линия государственно-бюрократического аппарата, который имеет свои представления о развитии России и пытается бюрократическим путем сверху подвергать под себя проекты развития российского общества и государства. Государственно-бюрократический аппарат тесно связан с крупным бизнесом и не жалеет средств на их реализацию независимо от реальных результатов. Некоторые проекты, инициируемые и осуществляемые сверху, дают реальную отдачу, хотя затраты на них нередко весьма велики: к их числу можно отнести строительство Крымского моста и ряд других инфраструктурных проектов, объектов для чемпионата мира по футболу 2018 г., эффективные проекты создания новых видов вооружений. В то же время реформы образования, науки и здравоохранения, осуществленные в бюрократическом духе, некритически копирующие опыт западных стран, разрушительны и опасны, препятствуя развитию российского общества и государства.

Вторая линия социально-политической активности – радикальная либерально-западническая линия, как и в начале XX в., несамостоятельная и преимущественно антигосударственническая. Эта линия, поддерживаемая частью интеллигенции, копирует модель «образцовой» западноевропейской или североамериканской страны, не считаясь с историей, культурой и особенностями России. Радикальные либералы-западники любят выдавать свои взгляды за взгляды «передового», «прогрессивного» и «просвещенного» российского общества. В действительности, в этих позициях прогрессивного мало, они копируют опыт западных стран, их институты, ценности и тенденции развития (в современных условиях нередко и тенденции деградации).

Как отмечал Н.А. Бердяев, «ни один народ не доходил до такого самоотрицания, как мы, русские... Отрицание России и низкопоклонство перед Европой – явление русское, восточное, азиатское явление. Именно крайнее русское западничество и есть явление азиатской души. Можно даже высказать такой парадокс: славянофилы, взгляды которых, кстати сказать, я в большей части не разделяю, были первыми русскими европейцами, так как они пытались мыслить по-европейски самостоятельно, а не подражать западной мысли, как подражают дети... Для русского западника-азиата Запад – обетованная земля, манящий образ совершенной жизни... Западный человек не идолопоклонствует перед своими культурными ценностями – он их творит. И нам следует творить культурные ценности из глубины» [Бердяев, 2000: 274–275]. Вместо творческой работы по выработке пути развития, учитывающего историю, культуру, местный опыт, геополитическое положение России (между Западом и Востоком, Европой и Азией), происходящее в мире перемещение центра тяжести экономического и социально-политического развития с Запада на Восток, радикальные либералы-западники ограничиваются копированием опыта, который в условиях России часто не работает и ведет к потере ею суверенитета. Наиболее радикальных из них не останавливает ни трагический опыт Украины и ряда других постсоветских стран, ни провалы либеральных реформ в России.

Третья линия социально-политической деятельности в России представлена местными активистами и сообществами, которые пытаются сохранить традиции своих городов и поселков, защитить интересы местных жителей от социально и экологически разрушительных проектов, осуществляемых крупным бизнесом при содействии местной или центральной администрации. Нельзя сказать, что местным активистам и сообществам удастся успешно реализовывать свои планы и противостоять натиску крупного бизнеса и мафиозно-криминальных структур. Однако местные активисты, волонтеры и сообщества представляют собой силы российского общества, которые по-настоящему озабочены

развитием своих мест, регионов и всей России. В ряде случаев для достижения целей эти силы вынуждены взаимодействовать либо с местными властями, либо с либерально-западническими организациями, пытающимися использовать возмущение и протестные действия граждан в своих интересах. Но и то, и другое взаимодействие временно и ситуативно, так как интересы сторон различаются. Уязвимое место гражданских активистов и сообществ – слабая ресурсная (прежде всего финансовая) обеспеченность и слабая организация, ведущая к «рассыпанию» возникающих сетевых структур после достижения первоначальных или промежуточных целей. Тем не менее в последние годы исследователи отмечают рост горизонтальной самоорганизации граждан, активизацию экологических и других движений на местном и общедоинформационном уровнях [Петухов, 2018: 50].

Итак, в современном российском обществе налицо по крайней мере три основные линии социальной и политической активности, представленные различными социальными субъектами с разными ценностными ориентациями. Эти три линии почти не соприкасаются или соприкасаются мало, что создает угрозу раскола российского общества и может привести к столкновению разных социальных сил, к социально-политической дестабилизации. В такой сложной ситуации и российским гражданам, и федеральной и местным властям важно проявлять ответственность, выдержку, осмотрительность, активно бороться за реализацию различных (пусть скромных) проектов развития на местном, региональном и федеральном уровнях. В противном случае проиграют все – и граждане, и общественные организации, и политические партии, и власти.

Заключение. В первые десятилетия XXI в. реальны возрастающие угрозы и риски для развития российского общества и государства, отчасти сопоставимые с угрозами и рисками, характерными для России начала XX в. К их числу относится очень большой, растущий отрыв по доходам «верхушки» общества от остальных россиян и относительно высокий уровень бедности [Тихонова, 2017; 2019]. Появились угрозы и риски развития, которых не было в начале XX в.:

1) многоплановая зависимость России в условиях глобализации от экономических, финансовых, политических, социальных процессов в других регионах мира, повышение в связи с этим рисков давления извне, враждебной политики и экономических санкций;

2) гибридная (информационная, психологическая, экономическая, финансовая, кибернетическая) война против России в сочетании с региональными военными конфликтами и попытками организовать внутри России «цветную революцию»;

3) процессы деградации национальной и культурно-цивилизационной идентичности, чувства принадлежности к народу, единства общества, его ценностей, традиций, социальных норм;

4) деградация системы здравоохранения, образования и науки в результате хаотичных, зачастую непродуманных бюрократических «реформ», значительное недофинансирование этих важнейших областей;

5) экологический кризис в России и в мире, уничтожение лесов, загрязнение рек, озер и морей, колебания климата, деградация природной среды под воздействием непродуманной и хищнической деятельности;

6) процессы интеллектуальной и культурной деградации части молодежи из-за распада семьи, отсутствия полноценного образования, манипулирования сознанием в социальных сетях с использованием фейков, дезинформации и др.

Многие из этих угроз и рисков поддаются регулированию и могут быть уменьшены с помощью эффективной политики развития, адекватной современным условиям. Однако если общество и государство в ближайшее время не предпримут шагов по преодолению отрыва значительной части элиты от большинства населения, по уменьшению разрыва в уровне жизни, по борьбе с коррупцией и сращиванием криминально-мафиозных структур с властью, по усилению социальной мобильности молодежи, по увеличению инвестиций в образование, науку, медицину, по сохранению и развитию культурного разнообразия российских регионов, по формированию российской государственно-гражданской

идентичности [Дробижева, 2018], Россия может столкнуться с социальными взрывами. В сочетании с внешнеполитическими кризисами это чревато серьезными последствиями.

Особенно большую опасность в современных условиях приобретает манипулирование сознанием и поведением молодежи в сочетании с низким и продолжающим снижаться уровнем ее образования, с отсутствием у части молодых людей жизненных перспектив, потерей ими смыслов и ценностей [Горшков, Шереги, 2010]. От того, удастся ли предложить российской молодежи смыслы и перспективы, соответствующие ее жизненным целям и устремлениям, зависит будущее российского общества и государства. В современных условиях решение этой задачи является крайне сложным, требующим мобилизации интеллектуальных сил и ресурсов. В этой связи первостепенным является изучение успешного опыта работы с различными категориями российской молодежи в регионах и распространение этого опыта на другие российские регионы с учетом их своеобразия.

В ближайшие годы будет происходить постепенное, но весьма драматичное переформатирование мирового порядка в направлении полицентризма, взаимодействия различных мировых и региональных центров силы. Отсюда возникает вопрос о возможности перехода России к новой стратегии развития внутренних (Центр, Урал, Поволжье, Сибирь, Дальний Восток) и внешних (страны ЕАЭС) социальных и политических пространств, решения проблем имущественного неравенства и социальных дисбалансов, формирования и укрепления российской гражданской идентичности. От ответа на эти вызовы зависит будущее и России, и других государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айвазов А.Э., Беликов В.А. Экономические предпосылки Октябрьской революции 1917 г. // История и современность. 2017. № 2. С. 145–161.
- Бердяев Н.А. Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в.; Судьба России. М.: Изд-во В. Шевчук, 2000.
- Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВлаДар, 1993.
- Глазьев С.Ю. Рывок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010.
- Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Ближний Восток, Индия и Китай в глобализационных процессах. М.: Учитель, 2016.
- Дробижева Л.М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 100–115.
- Лапин Н.И. Дистанции между состояниями модернизированности макрорегионов России и их цивилизационные смыслы // Общественные науки и современность. 2015. № 5. С. 61–71.
- Лапин Н.И. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. М.: Весь Мир, 2016.
- Лапкин В.В. Послесловие к столетней годовщине: о политически-правовых и аграрных предпосылках Русской революции // История и современность. 2017. № 2. С. 211–246.
- Латов Ю.В. Призрак «революционной ситуации»: протестные действия и протестные настроения современных россиян // Общественные науки и современность. 2017. № 2. С. 36–51.
- Октябрьская революция и современность. Социально-политические уроки / Отв. ред. Ю.А. Красин, О.М. Михайленок, Ю.С. Оганисян. М.: ФНИСЦ РАН, 2018.
- Пантин И.К. Русская революция. Идеи, идеология, политическая практика. М.: Летний сад, 2015.
- Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 40–53.
- Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
- Тихонова Н.Е. Стратификация по доходам в России на фоне других стран // Общественные науки и современность. 2017. № 3. С. 26–41.
- Тихонова Н.Е. Социальная политика в современной России: новые системные вызовы // Общественные науки и современность. 2019. № 2. С. 5–18.
- Тодд Э. После империи. Рах Америкапа – начало конца. М.: Международные отношения, 2004.
- Турчин П. Процессы, влияющие на среднесрочную динамику политической нестабильности в США (2010–2020 гг.) // Экономические стратегии. 2010. № 5. С. 9–20.

- Фергюсон Н. Великое вырождение. Как разрушаются институты и гибнут государства. М.: АСТ, 2016.
- Штайнметц Дж. Кризис истории и история кризиса: историческая социология как «кризисная наука» // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 140–143.
- Acharya A. *The End of American World Order*. Cambridge: Polity Press, 2014.
- Akaev A., Pantin V. Technological Innovations and Future Shifts in International Politics // *International Studies Quarterly*. 2014. Vol. 58. No. 4. P. 867–872.
- Arrighi G. *Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty First Century*. London; New York: Verso, 2007.
- Frank A.G. *ReOrient: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley: University of California Press, 1998.
- Gordon R.J. *The Rise and Fall of American Growth: The U.S. Standard of Living since the Civil War*. Princeton: Princeton University Press, 2016.

Статья поступила: 15.07.19. Принята к публикации: 25.09.19.

RUSSIAN SOCIETY AT THE BEGINNING OF THE 20th AND EARLY 21st CENTURIES: PROBLEMS AND RISKS

PANTIN V.I.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Vladimir I. PANTIN, Dr. Sci. (Philos.), Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Head of Department for Comparative Political Studies of Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (v.pantin@mail.ru).

Abstract. The article deals with the major problems and risks of Russian society in early 20th, as well as 21st centuries. The author shows that the social crisis and 1917 revolution were caused primarily by alienation of the elite from the citizens and by loss of communications between them, as well as by public distrust to power, absence of ideology acceptable for majority of the population, and the ideological and political split of the educated social groups. The prime threats and development risks faced by modern Russian society are determined by large-scale social and political shifts generated by transition to a new technological and social paradigm. Moreover, significant risks arise from the erosion of national and cultural identities, by destructed unity of society, its value system, traditions and social norms. The author outlines three vectors of social and political activity in modern Russian society represented by various social actors. These actors barely interact with each other, creating a threat of social destabilization. It is concluded that successful adaptation to the profound changes requires to combine traditions and values that form the cultural features of a given society with social innovations. This combination ensures a successful and dynamic development of such countries as China, South Korea, Singapore, India and a number of other.

Keywords: social changes, values, technological structure, social structure, identity, social actors, Western countries, the Russian Federation.

REFERENCES

- Acharya A. (2014) *The End of American World Order*. Cambridge: Polity Press.
- Akaev A., Pantin V. (2014) Technological Innovations and Future Shifts in International Politics. *International Studies Quarterly*. Vol. 58. No. 4: 867–872.
- Arrighi G. (2007) *Adam Smith in Beijing: Lineages of the Twenty First Century*. London; New York: Verso.
- Ayvasov A.E., Belikov V.A. (2017) The Economic Prerequisites of the October 1917 Revolution. *Istoriya i sovremennost'* [History and Modernity]. No. 2: 145–161. (In Russ.)
- Berdyaev N.A. (2000) *Russian Idea: The Main Problems of Russian Thought in the XIX Century and at the Beginning of the XX Century; Russian Fate*. Moscow: Izd-vo V. Shevchuk. (In Russ.)
- Drobizheva L.M. (2018) Russian Identity: Discussions in the Political Space and Dynamics of Mass Consciousness. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 5: 100–115. (In Russ.)
- Ferguson N. (2016) *The Great Degeneration. How Institutions Decay and Economies Die*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Frank A.G. (1998) *ReOrient: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley: University of California Press.
- Glazhev S.Yu. (1993) *Theory of Long-term Technical and Economic Development*. Moscow: Vldar. (In Russ.)
- Glazhev S.Yu. (2018) *A Breakthrough into the Future. Russia in the New Technological and World Economy Processes*. Moscow: Knizhnyj mir. (In Russ.)
- Gordon R.J. (2016) *The Rise and Fall of American Growth: The U.S. Standard of Living since the Civil War*. Princeton: Princeton University Press.

- Gorshkov M.K., Sheregi F.E. (2010) *Youth of Russia: A Sociological Portrait*. Moscow: TsSPiM. (In Russ.)
- Grinin L.E., Korotayev A.V. (2016) *Middle East, India and China in Globalization Processes*. Moscow: Uchitel. (In Russ.)
- Krasin Yu.A., Mihailenok O.M., Oganisyan Yu.S. (eds) (2018) *October Revolution and Modernity. Social and Political Lessons*. Moscow: FNISC RAN. (In Russ.)
- Lapin N.I. (2015) Distances between Modernization States of Russian Regions and their Civilizational Meaning. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 5: 61–71. (In Russ.)
- Lapin N.I. (2016) *Atlas of Russian Modernization and Its Regions: Social and Economic and Sociocultural Tendencies and Problems*. Moscow: Ves' mir. (In Russ.)
- Lapkin V.V. (2017) An Afterword to the Centenary: On the Political, Legal, and the Agrarian Prerequisites of the Russian Revolution. *Istoriya i sovremennost'* [History and Modernity]. No. 2: 211–246. (In Russ.)
- Latov Yu.V. (2017) Phantom of «Revolutionary Situation»: The Protest Actions and the Protest Attitudes of the Russia's Citizens. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 2: 36–51. (In Russ.)
- Pantin I.K. (2015) *Russian Revolution. Ideas, Ideology, Political Practice*. Moscow: Letniy sad. (In Russ.)
- Petukhov V.V. (2018) Dynamics of the Social Attitudes of the Russia's Citizens and Making of a Public Demand for Change. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 40–53. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (1992) *Human Being. Civilization. Society*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
- Steinmetz G. (2018) Crisis of History and the History of Crisis: Historical Sociology as «Crisis Science». *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 140–143. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2017) Income Stratification in Russia in Comparison with Other Countries. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 3: 26–41. (In Russ.)
- Tikhonova N.E. (2019) Social Policy in Modern Russia: New System Challenges. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 2: 5–18. (In Russ.)
- Todd E. (2004) *After the Empire. Pax Americana – Beginning of the End*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)
- Turchin P. (2010) The Influence of the Processes on the Middle-term Dynamics of Political Instability in the U.S. (2010–2020). *Ekonomicheskie strategii* [Economic Strategies]. No. 5: 9–20. (In Russ.)

Received: 15.07.19. Accepted: 25.09.19.